

ПОСТРЕАЛИЗМ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ

Марина Александровна Бокарева

старший преподаватель кафедры русского литературоведения
Бухарского государственного университета, Бухара, Узбекистан

bokareva.marina@inbox.ru

m.a.bokareva@buxdu.uz

<https://doi.org/10.5281/zenodo.10245673>

Аннотация. Данная работа обобщает опыт исследования феномена постреализма в современном литературном процессе. Сделана попытка систематизировать научный опыт и сформулировать наиболее универсальное определение, а также актуализировать основные художественные принципы постреализма.

Ключевые слова. Постреализм, реализм, постмодернизм, синкретизм, эклектизм, дискурс.

Annotation. This work summarizes the experience of studying the phenomenon of post-realism in the modern literary process. An attempt has been made to systematize scientific experience and formulate the most universal definition, as well as to update the basic artistic principles of post-realism.

Keywords. Postrealism, realism, postmodernism, syncretism, eclecticism, discourse.

Современный литературный процесс, который характеризует русскую литературу последней четверти XX-начала XXI века, обозначен направлениями, название которых начинается с приставки «пост»: постмодернизм, постструктурализм, поставангард, постреализм. Значение приставки «пост» связано с понятием «после». Таким образом, можно считать, что литературный процесс переходного периода XX и XXI столетий получает черты той художественной реальности, которая наступает после того, что давно уже определено как эстетика романтизма, реализма, модернизма, авангарда. Очевидно, что возвращаться к тому, что было и нашло свое воплощение в лучших образцах литературного творчества, – бессмысленно.

Художником всегда руководит стремление к поиску новых форм и смыслов, новых способов самовыражения, соответствующих духу эпохи и ее запросам. Эстетические поиски всегда сопровождают духовно-нравственные и идеологические искания времени.

История и культура рубежа веков выразилась в свержении тех идеологических и духовных опор, которые составляли содержание

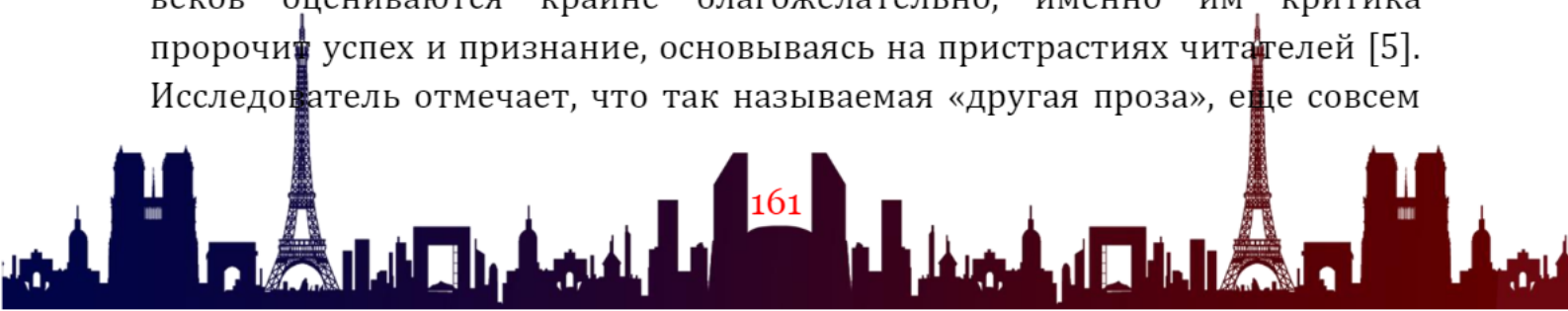
советской литературы. Пересмотр всех социально-политических и экономических устоев предыдущего периода привел к резкому пересмотру и эстетических традиций в искусстве.

Логика нового искусства, отразившаяся в понятиях «постмодернизм», «постреализм» и др. – выразилась, прежде всего, в отрицании традиций, но не означала утверждения принципа противостояния им, о чем пишет Т.Н. Чурляева, поясняя, что термины, построенные присоединением «пост», не отменяют более ранних понятий. Точнее будет обозначить установку на принципиально иной путь, но с продолжением традиций прошлого. При этом, весь опыт прошедших эпох уже не может трактоваться как абсолютный, правильный или образцовый.

Адекватное восприятие внутренней семантики части «пост» в значительной степени необходимо для проникновения в смысл тех эстетических фактов, которые сформировались в условиях литературного процесса новейшего времени. Важно и то, что для понимания специфики новейшей литературы требуется четко разделить и не уравнивать понятия постмодернизма и, например, антимодернизма, либо антиреализма и постреализма, и в то же время – постмассовую литературу с антимассовой. Иначе теряется смысл в самом существовании и, что более важно, в необходимости научного исследования явления, отмеченного приставкой «пост» [9, с.6].

Как отмечает Н. Иванова, отказ от «общей» идеологии привел к смешению и эклектике всего, что существовало как определенное литературное направление, течение или школа. Произошел «сложный, многоступенчатый, мучительный передел литературного пространства» [4, с.9].

В 1990-е годы возникает читательский спрос на литературу, отказавшуюся от серьезных проблем, от пафоса, наполненную ироническим отношением к действительности, подвергавшую осмеянию все, что было когда-то предметом отражения в серьезной литературе, и на первую читательскую полку попадают произведения, отнесенные к литературе постмодернизма – книги В. Сорокина и В. Пелевина. Т. Н. Чурляева, отмечая особенности читательских предпочтений этого периода, пишет, среди прочего о том, что Пелевин и Сорокин на рубеже веков оцениваются крайне благожелательно, именно им критика пророчит успех и признание, основываясь на пристрастиях читателей [5]. Исследователь отмечает, что так называемая «другая проза», еще совсем



недавно вышедшая из андеграунда, с присущими ей чертами пародирования пафоса, игровыми приемами и художественными открытиями вышла на ведущее место в ряду критического и читательского внимания. Отдельного слова заслуживает массовая литература, представленная именами признанных мастеров этого вида литературы. В особенности – детективщики Т.Устинова, А.Маринина, Д.Донцова, А.Кивинов, Б.Акунин. Успех этих авторов обусловлен изначальной установкой на положительный коммерческий результат, отсюда и выбор жанров – детектив, любовный роман, фэнтези и тому подобное. Излишним будет уповать на высокую художественность этих произведений, что в данном случае не является обязательным условием. Литература пользуется неослабевающим спросом у читателей и, что немаловажно, приносит доход [9, с.6-7].

Характеризуя литературный процесс в 90-е годы XX века, Г.Т. Гарипова обращает внимание на своеобразную рефлексию литературы касательно ограничений и табу, существовавших при соцреализме, подчеркивая, что 1990-е годы наметили многообещающую концепцию дальнейшего развития русской литературы, связанную с ее способностью к синкретизму и эклектизму. В этой связи исследователи признают несомненную заслугу постмодернизма в успешности процессов смешения реалистической, более того, классической литературы с неклассической, модернистской. Русский литературный процесс конца XX века уникален в своей сути: возвращение и объединение андеграунда, литературы зарубежья с общим потоком синтезировало весь художественный опыт столетия [2, с.36-40].

Очевидно, что вся эстетическая схема художественной словесности 1990-х годов вобрала большую часть установок модернизма именно в силу их недоступности и запретности на протяжении всего периода соцреализма. Основываясь на выводах Т.Г.Гариповой, согласимся, что те тексты, которые писались в самом начале 1990-х годов, создавались не как актуальное эстетическое открытие, а как следствие табуированных явлений, влившихся в литературный поток конца века [2, с.36-40].

Литературный процесс сформировался из самобытных образцов, совсем недавно нещадно искоренявшихся. Так, в конце XX века вернулся русский символизм серебряного века – произведения Д.Мережковского, А.Белого и других, вышел из подполья андеграунд, так называемая проза сорокалетних и лагерная проза. Весь этот пласт успешно влился в



современную на тот момент литературу, состоящую из произведений как писателей старшего поколения (В.Астафьев, В.Распутин, В.Аксенов, Л.Петрушевская и др.), так и совсем молодых, дебютировавших в эти годы (В.Пелевин, Д.Глуховский, Д.Быков и др.). Главной особенностью русского литературного процесса, в силу таких условий, стал синкретизм, синтез традиций реалистической и модернистской русской литературы с новационными литературными экспериментами [2, с.36-40].

В подобной неоднородной литературной ситуации, когда соединились в единое целое различные художественные концепции, логично формирование нового литературного мышления. Но понятно при этом и наличие разногласий в определении принадлежности авторов к тем или иным эстетическим направлениям. Исследователи расходятся во мнении и при попытках дать четкое, окончательное, устраивающее всех определение, к примеру, реалистической линии современной русской литературы. Сложности начинаются уже с классификации новых версий реализма, причем не только в чертах и особенностях метода, но и в авторских пристрастиях. Разногласия коснулись творчества, например, Л.Петрушевской, которое одни исследователи причисляли к постмодернизму, другие – к «жестокому» реализму, иные соотносили специфику авторского стиля писательницы с постреалистическими тенденциями, кто-то определял ее как представителя «другой» прозы. Объясняется такое расхождение мнений постоянным творческим поиском самого писателя, художественными экспериментами и разносторонностью таланта. Культовый роман В.Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» в свое время многие исследователи рассматривали с позиций постмодернистской эстетики, однако критик Н.Иванова считает, что этот роман можно назвать трансметареалистическим. Отметим, что на рубеже веков полемика по поводу реализма велась также активно, как и касательно постмодернизма. К единому мнению споры, нем не менее, не привели: окончательно сформулировать и теоретизировать модификации и направления реализма не удастся и по сей день.

Основной причиной затруднений является все-таки постмодернизм. В свое время он положил начало поискам новой литературной эстетики, и исследователи часто отмечают в этом направлении писателей, традиционно не связанных с постмодернизмом. Например, Т.Г.Гарипова включает в этот ряд таких авторов, как Алексей Варламов, Вера Галактионова, Вячеслав Дёгтев, Борис Евсеев, Алексей Иванов, Валерий

Казаков, Юрий Козлов, Юрий Поляков, Михаил Попов, Лидия Сычёва, Евгений Шишкин и др. Открытие последних лет – Захар Прилепин» [2, с.36-40]. С данным положением соглашаются далеко не все критики.

Постепенно постмодернистскому дискурсу, ориентированному на поиск новых форм самовыражения в соответствии с традициями модернизма в искусстве, начинает формироваться литература, возвращающая эстетику реализма.

Мысль о неизбежности становления некоего синтетического направления на основе реализма впервые прозвучала еще в начале XX века в статье Е.Замятина «Новая русская проза» (1923 г.), где писатель пророчески высказывается о формировании нового направления, в котором будут сочетаться скрупулезный анализ реализма и абстрактные идеи символизма. Критик Воронский А.К. продолжает, говоря о новой манере письма: зарождается неореализм, в котором объединятся романтизм, символизм и реализм. Напомним, что это было сказано в 20-е годы XX века, так что проект остался только в форме предвидения и реализовался лишь в конце столетия [1, с. 196-203].

К концу XX века в реалистическом дискурсе происходит пересмотр и предварительный анализ современной действительности, который замещает свойственный постмодернизму феномен игры, имитации, пародийности и подмены – реалистическая проза возвращается к традиционным поискам смысла бытия и правды, а не бегства от нее. Как справедливо отмечает исследователь Н.Иванова, русская литература пытается вернуть свое главное предназначение, миссию: не просто гнаться за эпатажной формой или шокирующим содержанием, но обратиться к традиционным особенностям «высокого коэффициента жанрового поиска и стилистического напряжения» [4, с.14].

Так что, определяющим фактором постреализма становится слияние постмодернистского дискурса и реалистического письма. Очевидно, что реализм, реабилитированный после длительного соцреалистического «служения», завершил эпоху постмодернизма, обновился и дополнился художественными открытиями последнего и явился в новом эстетическом типе – постреализме. В связи с этим исследователь К.Степанян причисляет уже к постреализму упомянутых ранее Петрушевскую, Маканина, а также М.Харитонову, поскольку отличительной чертой «нового реализма», реализующегося в произведениях этих авторов и отличающее его от все отрицающего постмодернизма, является убежденность писателей в

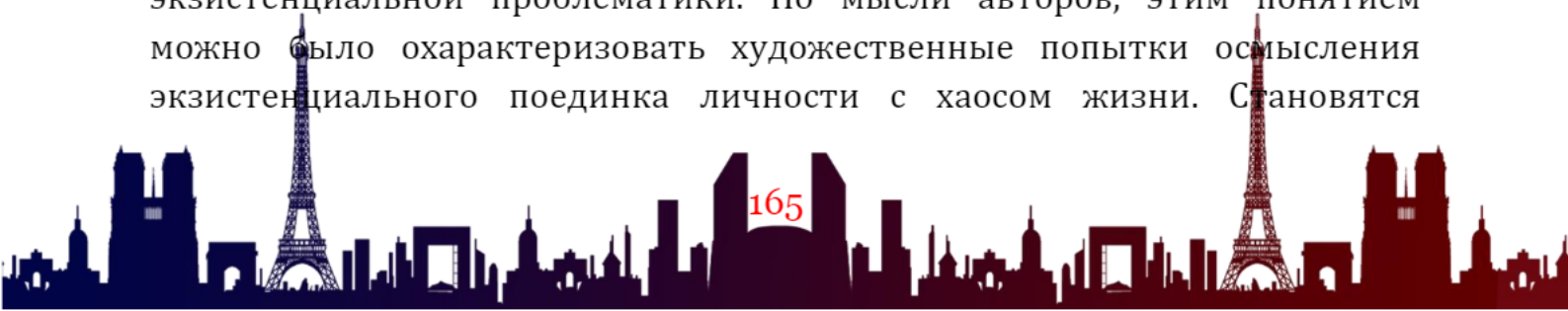
непреходящей значимости истинных духовных ценностей. В творчестве 1990-х годов предпринимаются постоянные попытки вернуть читателя к этим ценностям посредством обновления художественной формы и содержания, выраженных в интеграции характерного для традиционного русского реализма критического подхода к действительности и субъективного модернистского мировоззрения [8, с.235].

Н.Лейдерман и М.Липовецкий в работе 1993 года указывали на непосредственную связь постреалистической прозы с литературной классикой XIX века, называя художественное наследование предшествующего опыта главным аспектом современного дискурса. В качестве примера упоминаются произведения И.Бродского, вошедшие в сборники «Осенний крик ястреба» и «Назидание», романы В.Маканина «Лаз» и «Утрата», Ф.Горнштейна «Псалом» и Ю.Трифонов «Время и место» [6, с. 233-252].

Именно этот художественный метод, традиции которого проявились уже в творческой стратегии начала 1930-х годов, предложили назвать постреализмом. Характеризуя художественную парадигму постреализма, Т.Н.Чурляева выделяет его специфические особенности, сводимые к общности с постмодернизмом. Это и разнообразие форм, не поддающееся систематизации и схематизации, и полное игнорирование законов жанра, мнимое случайное использование отдельных фрагментов нехудожественных стилей и прочее [9, с.116]

Нельзя обойти вниманием и экзистенциальную направленность постреалистической прозы начала XXI века. И.Роднянская обратила внимание на то, что постреализм дал расширенное экзистенциальное исследование характерных для русской литературы мотивов поиска смысла жизни, праведности, свободы, духовного падения или величия [7, с.225]. Данное положение наводит на вывод о том, что постреализм лишает героя/читателя всякой надежды на благополучный исход: так или иначе из литературы изымается всякая иллюзия на спасение [6, с. 249].

Е.А. Ермолин, рассматривая современные тенденции в литературном процессе и отмечая связь постреализма с проблематикой экзистенциализма, указывает на то, что наиболее важным в теории постреализма стала решимость погрузить новейшую литературу в центр экзистенциальной проблематики. По мысли авторов, этим понятием можно было охарактеризовать художественные попытки осмысления экзистенциального поединка личности с хаосом жизни. Становятся



очевидными приметы духовного разлада – разрыв с традициями, потеря преемственной связи с прошлым и неверие в будущее. Гармонии и порядка в мире нет. Его базисная, единственная и неотменимая данность – хаос. С этим приходится считаться литературе, которая являет собой опыт самоопределения в тотальном хаосе, в кромешном мраке жизни» [3, с. 103-109].

Таким образом, анализируя связь реалистических тенденций в литературе конца XX века с экзистенциальной философией, можно сделать вывод о том, что при некоторой общности художественных установок постреализм расходится с экзистенциализмом в готовности признать эстетическое самоопределение в абсурдной реальности, а не бунтовать против нее. Абсурд в реалистической и постреалистической прозе 1970-1990-х годов становится, таким образом, сущностным проявлением бытия и сознания, как констатирует Т.Н.Чурляева [9, с. 43].

Современная реалистическая проза обладает теми же признаками, которые свойственны всему мировому искусству XX века: на уровне эстетики и поэтики исследуется трагическая сущность бытия человека как возможности существования множества версий, моделей жизни, отраженных в искусстве.

Итак, постреализм на рубеже XX-XXI веков заявляет себя как литературное направление, синтезирующее в себе тенденции как реалистического, так и модернистского явления, что вполне соответствует многообразию эстетических мироощущений эпохи.

Использованная литература:

1. Бокарева М.А. Пути развития русского реализма рубежа XX-XXI веков: от соцреализма до экзистенциального постреализма. - Научный вестник Бухарского государственного университета, № 3, 2023, с. 196-203
2. Гарипова Г.Т. Логика и динамика развития русского литературного процесса конца XX-начала XXI века: тенденции и перспективы/Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 20. С. 36–40. <https://cyberleninka.ru/article/n/logika-i-dinamika-razvitiya-russkogo-literaturnogo-protsessa-kontsa-hh-nachala-hhi-veka-tendentsii-i-perspektivy>
3. Ермолин Е.А. Трансметареализм, постреализм, метамодернизм и трансавангард как ситуативные характеристики русского литературного процесса в начале XXI в.//XV Виноградовские чтения. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Н.М. Миркурбанов. Екатеринбург: УГЭУ, 2019. С. 103-109. <https://erm-kontinent.livejournal.com/379055.html>



4. Иванова Н. Хроника оставленного времени // Дружба народов. – 1998. – № 8. – С. 9.
5. Литературная газета. – 1992. – № 16.
6. Лейдерман Н., Липовецкий М. Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме/Н. Лейдерман, М. Липовецкий // Новый мир. – М., 1993. – № 7. – С. 233–252.
7. Роднянская И. “NB” на полях благотельного абсурда/И. Роднянская//Новый мир. – 1992. – № 8. – С. 225.
8. Степанян К. Реализм как заключительная стадия постмодернизма/К. Степанян//Знамя. – 1992. – № 9. – С. 231–238.
9. Чурляева Т.Н. Современные литературные тенденции: учеб. пособие/Т.Н. Чурляева. - Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. – 116 с. С. 6.
file:///C:/Users/User/Downloads/144687.pdf

